

Д. В. Филин

ХАРЬКОВ

КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» отмечается необходимость повысить эффективность борьбы с правонарушениями и преступностью [8]. Это требование может быть выполнено при условии перестройки правоохранительных органов на основе неуклонного соблюдения законности, дальнейшего совершенствования законодательной базы Советского государства.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы, выступая одной из закономерностей развития социалистического права в целом [4, с. 337], ставит перед наукой задачу выработать научно обоснованные критерии, которые позволили бы дифференцировать уголовно-процессуальную форму с учетом структурной сложности уголовного процесса. К числу таких критериев правомерно отнести материально-правовой, процессуальный и организационный.

Одним из основных выражений материально-правового критерия является небольшая общественная опасность совершенного преступления, позволяющая установить для преступлений, предусмотренных ст. 85, ч. 1 ст. 89, ст. 114, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 148, ч. 1 ст. 149, ч. 1 ст. 155, ч. 1 ст. 155¹, ст. 156¹, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ст. 196, 196¹, ч. 1 ст. 206, ст. 215¹, ч. 1 ст. 215³ УК УССР, упрощенный порядок расследования, регулируемый статьями гл. 35 УПК УССР.

В науке советского уголовного права исследованию общественной опасности уделяется значительное внимание. Несмотря на различия во мнениях о ее сущности, общественная опасность признается материальным, сущностным признаком преступления. «Общественная опасность, — пишет И. Н. Даньшин, — основной материальный признак преступления, раскрывающий его социальную сущность, вокруг которого группируются остальные признаки преступления» [3, с. 32]. Иной точки зрения придерживается В. С. Прохоров, который отмечает два различных уровня знаний о природе общественной опасности: внешний, непосредственно воспринимаемый, эмпирический, отражающий не сущность преступления, а его социальное качество; и результат научного, т. е. теоретического, анализа, который требует применения категори-

ального аппарата исторического материализма [6, с. 20]. Приведенное суждение представляется необоснованным. Во-первых, хотя сущность — внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия, а явление — то или иное выражение, обнаружение внешней формы его существования, это не означает, что между сущностью и явлением лежит непроходимая пропасть. Сущность воспринимается познающим субъектом не иначе как через явление. В свою очередь явление есть выражение сущности. Поэтому даже эмпирический уровень познания дает представление о некоторых сущностных сторонах объекта исследования, в данном случае — общественной опасности. Во-вторых, понятие общественной опасности — теоретическая конструкция, исторически выработанная и отражающая то общее, что объединяет все виды преступлений.

В литературе выделяют понятия характера и степени общественной опасности. Под характером общественной опасности понимается качественное свойство вредности преступления. Характер общественной опасности зависит от содержания вреда, причиненного преступлением [7, с. 56]. Степень общественной опасности — это количественное выражение сравнительной опасности деяния одного и того же характера [7, с. 57]. Анализ преступлений, предусмотренных ст. 85, ч. 1 ст. 89, ст. 114, ч. 1 ст. 145, ч. 1 ст. 148, ч. 1, ст. 149, ч. 1 ст. 155, ч. 1 ст. 155¹, ст. 156¹, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ст. 196, 196¹, ч. 1 ст. 206, ст. 215¹, ч. 1 ст. 215³ УК УССР, показывает, что они причиняют незначительный вред объекту посягательства, способ их совершения не представляет повышенной опасности, содержание мотивов и целей не является особо злостным или низменным.

В качестве процессуальных критериев дифференциации (в сторону упрощения) предлагаются очевидность, или ясность, преступления и несложность его расследования. П. Ф. Пашкевич связывает свойства простоты и ясности преступления с тем, что обычно лицо, его совершившее, не вызывает сомнения, поскольку правонарушитель задержан на месте совершения преступления с личным и имеются свидетели-очевидцы [5, с. 167]. В. Д. Арсеньев, Н. Ф. Метлин, А. В. Смирнов отмечают, что в этих случаях установление истины по делу возможно «с помощью тех ограниченных средств, которыми располагает протокольная форма досудебной подготовки материалов, т. е. когда невозможно производство следственных действий и применение мер пресечения» [2, с. 81]. По нашему мнению, приведенные суждения далеко не бесспорны. Простота и ясность преступления лишены нормативной строгости и поэтому не могут рассматриваться в качестве критерия дифференциации предварительного производства по делу. К тому же следует учесть, что даже одно и то же преступление может восприниматься по-разному двумя работниками правоохранительных органов: одним, имеющим более хорошую профессиональную подготовку и больший опыт практической работы, — как простое и ясное; другим, менее опытным и хуже про-

фессионально подготовленным, — как сложное и запутанное. Поэтому в качестве процессуального наиболее удачным представляется критерий адекватности предусмотренных законом процессуальных средств познавательным задачам, стоящим перед расследованием. Иными словами, при производстве расследования для установления истины по делам, предусмотренным ст. 425 УПК УССР, должно быть достаточно средств, определенных в ст. 426 УПК УССР. Таким образом, несложность производства расследования по указанным преступлениям заключается в несложности применения и простоте самих процессуальных средств установления истины. Разумеется, процессуальный критерий включает в себя не только наличие задач и средств их выполнения, но и процессуальную экономию, максимальное приближение момента совершения преступления к наказанию за него, т. е. предупредительный и воспитательный аспекты.

Учет организационного критерия позволяет, с одной стороны, разгрузить следственный аппарат, с другой — повысить активность и роль органов дознания в деле борьбы с преступностью.

В литературе неоднократно высказывались суждения о том, что при надлежащей организации работы дела, не представляющие особой сложности, могут быть расследованы в кратчайший срок и что затягивание расследования по таким делам объясняется наличием нескольких дел в производстве следователя, чрезмерной его загруженностью [1, с. 100]. Но это не может служить аргументами для сохранения единой уголовно-процессуальной формы предварительного производства по всем без исключения уголовным делам. При сохранении нынешней численности следственного аппарата дифференциация — одно из действенных средств снижения его загруженности.

Распространение протокольной формы досудебной подготовки на 17 составов преступлений позволяет в сокращенные сроки, без ущерба для прав и законных интересов участников процесса расследовать преступления. Активность органов дознания при производстве досудебной подготовки материалов в протокольной форме выражается в нацеленности их деятельности на выяснение обстоятельств совершенного преступления и данных о личности правонарушителя в полном объеме. Возможность направления материалов досудебной подготовки без возбуждения уголовного дела для применения к правонарушителю мер общественного воздействия дает возможность органам дознания применять эффективные меры, способствующие в каждом конкретном случае успешной ресоциализации лица, совершившего преступление. Все это повышает роль органов дознания в борьбе с преступностью.

Список литературы: 1. Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Претворение ленинских идей в советском уголовном судопроизводстве (стадия судебного разбирательства) Л., 1979. 2. Арсенев В. Д., Меглин Н. Ф., Смирнов А. В. О дальнейшей дифференциации порядка производства по уголовным делам // Правоведение. 1986. № 1. 3. Даньшин И. Н. Понятие преступления, уголовная ответственность

и ее основания // Уголовное право Украинской ССР на современном этапе: Часть общая. К., 1985. 4. Кудрявцев В. П., Казимирчук В. П. Сущность развития в современной юридической науке // Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1983. Т. 3. 5. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. 6. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. 7. Уголовное право УССР. Часть общая. К., 1984. 8. Правда. 1986. 30 нояб.

Поступила в редколлегию 10.12.86

Р. А. Бышкова

ХАРЬКОВ

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ОТМЕНЫ ОТСРОЧКИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Вопросы отсрочки исполнения приговора приобрели в последнее время существенное практическое значение. Как известно, в 1982 г. положения ст. 39¹ Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 46 УК УССР, ст. 46¹ УК РСФСР), предусматривающей отсрочку исполнения приговора для несовершеннолетних, были распространены на всех лиц, достигших совершеннолетия, впервые осуждаемых к лишению свободы на срок до трех лет. Вместе с тем процессуальный порядок отмены отсрочки исполнения приговора в законе по существу не урегулирован.

В литературе уже исследовалась правовая природа оснований к отмене исполнения приговора [1; 2; 5], но мнение о том, что «если осужденный в период отсрочки совершил два нарушения общественного порядка, за которые он был подвергнут мерам административного взыскания, но между этими правонарушениями прошло больше года, отсрочка не может быть отменена» [4, с. 7], представляется сомнительным. Суд не связан представленными материалами при решении вопроса об отмене отсрочки приговора, а в каждом конкретном случае должен исследовать не только правильность привлечения лица к административной и дисциплинарной ответственности, но и влияние этих мер на процесс его исправления и перевоспитания. Если же эти меры не оказали на поведение осужденного воздействия и он не встал на путь исправления, суд вправе отменить отсрочку исполнения приговора и направить осужденного в места лишения свободы даже в том случае, когда между правонарушениями прошло более года.

В законодательстве не установлены сроки представления и разрешения материалов об отмене отсрочки исполнения приговора. Между тем органы, осуществляющие контроль за поведением осужденного, направляют в суд представление об отмене отсрочки на следующий день после того, как осужденный был подвергнут второму административному взысканию, а также тогда, если в отношении его второй раз были применены меры дисциплинарного